

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССІІ.

1895.

НОЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 95.

1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
И. Э. Лейкфельдъ. Логическое ученіе объ индукціи въ главнѣйшіе историческіе моменты его разработки (<i>продолженіе</i>)	1
С. О. Ольденбургъ. Первый полный переводъ Палийкова оборника джатакъ	36
В. Ф. Миллеръ. Къ былинѣ о Соловьѣ Вудимировичѣ	57
Н. Н. Дебольскій. Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ	77

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Э. Л. Радловъ. <i>Митто, В.</i> Логика дедуктивная и индуктивная. Переводъ С. А. Котляревскаго, подъ редакціей В. Н. Иванова. Москва. 1895	115
А. И. Пачневъ. <i>Фридрихъ Кирхгертъ.</i> Исторія философіи съ древнѣйшаго до настоящаго времени (<i>Geschichte der Philosophie</i>). Переводъ съ нѣмецкаго В. Д. Вольфсона. Съ дополнительною статью „Русская философія“ В. Чуйко. С.-Пб. Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго. 1895	119
М. Н. Крашенинниковъ. <i>Istituto storico italiano. Fonti per la storia d'Italia. Scrittori, secolo VI.—La guerra Gotica di Procopio di Cesabea. Domenico Comparetti. Vol. I. Roma. 1895</i>	123
А. М. Позднѣевъ. Еще по вопросу о послѣднихъ изданіяхъ Православнаго Миссіонерскаго Общества на калмыцкомъ языкѣ. — Книжныя новости	158 172
Ө. Д. Ватюшковъ. О французскомъ языкѣ и его преподаваніи въ университетѣ	1
М. Столярковъ. Православныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ (<i>окончаніе</i>)	24
— Наша учебная литература (разборъ 5 книгъ и изданій).	74

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Отчетъ о шестомъ приоужденіи Академією Наукъ премій митрополита Макарія въ 1895 году	1
--	---

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Ф. Эрманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (<i>продолженіе</i>)	33
В. В. Латышевъ. Эпиграфическіе этюды (<i>продолженіе</i>)	38
В. И. Модестовъ. Запѣтки по Тациту (<i>продолженіе</i>).	47

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики	81
--	----

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го ноября).

КЪ БЫЛИНЪ О СОЛОВЬЪ БУДИМИРОВИЧЪ.

Благодаря цѣлому ряду изслѣдованій по русскому эпосу литературная исторія нѣкоторыхъ былинъ уяснилась въ значительной степени. Если первоначальныя ихъ основы въ большинствѣ случаевъ еще сокрыты отъ насъ подъ позднѣйшими слоями, то по крайней мѣрѣ позднѣйшія переработки, болѣе доступныя изслѣдованію, нѣрѣдко могутъ быть приурочены къ опредѣленному времени — къ періоду отъ XV — XVII вѣковъ—и опредѣленному району Россіи. Роль сѣвернаго края въ сложеніи, переработкахъ, храненіи и распространеніи былинъ выступаетъ все ярче и ярче и широкое участіе скомороховъ во всѣхъ названныхъ дѣйствіяхъ представляется все болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Не имѣя въ виду всесторонняго и детальнаго разбора былины о Соловьѣ Будимировичѣ, надъ которой уже не мало поработали наши изслѣдователи — Ѳ. И. Буслаевъ, О. Ѳ. Миллеръ, А. Н. Веселовскій, М. Г. Халанскій—я въ нижеслѣдующемъ сдѣлаю о ней лишь нѣкоторыя замѣтки, поводомъ къ которымъ послужили посвященныя ей страницы въ новѣйшемъ трудѣ проф. Халанскаго: „Южно-славянскія сказанія о кравевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былеваго эпоса“¹⁾.

Обратимъ вниманіе прежде всего на форму былины.

Изъ десяти извѣстныхъ намъ записей ея четыре начинаются запѣвомъ или такъ называемою прибауткой (прибалуткой по олонецкому говору), не имѣющей отношенія къ содержанію былины. Такъ, сказатель Прохоровъ, пѣвшій былину о Соловьѣ Будимировичѣ Рыбникову и затѣмъ Гильфердингу, предпослалъ ей слѣдующіе стихи, на-

¹⁾ Ц, стр. 327—336.

чинающіеся широкимъ географическимъ размахомъ и заканчивающіеся плоской шуткой:

А мхи были болота въ поморской сторонѣ,
А гольная щелья въ Бѣлѣ-озерѣ,
А та я эта заябелъ въ подсиверной странѣ,
А с...ы сарафаны по Моши по рѣкѣ,
Да рострубисты становицы въ Каргополѣ,
Да тутъ темныи лѣсы что смоленскіе,
А широки врата да чигарянскіе...¹⁾

И затѣмъ уже, послѣ прибаутки, слѣдуетъ зачинъ:

Изъ подъ дуба, дуба сѣраго
Изъ подъ того сподъ камешка сподъ яфонта,
А выходила выбѣгала тамъ Волга мать рѣка

и проч.

Въ виду того, что сказитель Прохоровъ, знавшій 10 большихъ былинь, прикрѣпилъ эту прибаутку только къ былинѣ о Соловѣ Будимировичѣ, слѣдуетъ думать, что онъ наслѣдовалъ отъ своего учителя прибаутку въ этомъ именно прикрѣпленіи, а не прикрѣпилъ ее самъ по своему произволу.

Провѣркой этому предположенію служить другая запись той же былины, сдѣланная Рыбниковымъ и Гильфердингомъ со словъ сказителя Потапа Антонова²⁾ [у Рыбникова онъ названъ Потапомъ Трофимовымъ Потахинымъ]. Въ ней находимъ ту же прибаутку съ нѣкоторыми измѣненіями:

Мхи и болота къ Бѣлуозеру,
Широки раздолья ко Опскову,
Щелья-каменя по северну страну,
Высоки горы Сорочинскія³⁾.

Сказывая былинку Гильфердингу, тотъ же Антоновъ перенесъ прибаутку къ концу ея въ такомъ видѣ⁴⁾:

Мхи да болота въ Поморской сторонѣ,
Щелья-каменя Подсѣверной страны;
Претолстыи горы высокии,
Превысокии лѣса все дремучии.
А рострубисты сарафаны по Моши по рѣкѣ,
Здуниннай Дунай про то дѣло не знаи.

¹⁾ Гильфердинъ, № 53 = Рыбниковъ, I, 54.

²⁾ Гильфердинъ, № 68 = Рыбниковъ, III, 32.

³⁾ Рыбниковъ, III, 32.

⁴⁾ Гильфердинъ, № 68, столб. 371.

Просмотрѣвъ репертуаръ Антонова, мы убѣждаемся, что прибаутка прикрѣплена имъ только къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, а биографическія свѣдѣнія, сообщенныя о немъ Гильфердингомъ, объясняютъ, что онъ наслѣдовалъ свой репертуаръ отъ своего дѣда (умершаго 97 лѣтъ), который въ свою очередь перенялъ былины отъ профессиональнаго пѣвца—калики Мины Ефимова. Такимъ образомъ мы имѣемъ право предположить, что въ исполненіи профессиональнаго пѣвца былинѣ о Соловьѣ предпосылалась прибаутка скоморошьяго характера, и это предположеніе снова подтверждается двумя дальнѣйшими вариантами у Рыбникова (II, 31; III, 33), представляющими ту же видоизмѣненную прибаутку передъ *зачиномъ* былины. Наконецъ въ записи, приписываемой Киршѣ Данилову (№ 1), находимъ также прибаутку, но поэтически-возвышеннаго характера и безъ юмористическаго исхода. Это знаменитое въ нашемъ эпосѣ четырестигшіе:

Высота-ли высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Двѣпровскіе ¹⁾.

Такимъ образомъ изъ десяти извѣстныхъ намъ записей былины о Соловьѣ Будимировичѣ половина, и притомъ лучшія по качеству, предпосылаютъ ей прибаутку. Она отсутствуетъ въ трехъ вариантахъ Гильфердинга, записанныхъ либо отъ плохихъ сказителей (Гришина, № 36), либо отъ такихъ, которые когда-то хорошо знали былины, но затѣмъ позабыли (Захарова, Суханова, №№ 199, 208). Нѣтъ ея въ плохомъ и сильно скомканномъ вариантѣ Анфима Савинова (у Рыбникова, IV, № 11), и только одинъ, не имѣющій прибаутки, вариантъ у Рыбникова (I, 53) можетъ быть причисленъ къ хорошимъ.

¹⁾ Однако русскій чеховѣкъ, неспособный выдержать слишкомъ возвышеннаго тона, и здѣсь не удержался. Нашелся шутникъ, который спародировалъ эти стихи такъ:

Высота-ли высота потолочная,
Глубота, глубота подпольная,
А и широко раздолье—передъ печью шестокъ,
Чистое поле—по подлавечью,
А и синее море—въ лохани вода.

Таково начало находившейся въ рукописи Кирши Данилова, но не напечатанной Калайдовичемъ, неприличной пѣсни Агаеонушка. — См. 3-е изданіе Кирши Данилова, стр. XIX, примѣч. 17.

Возможнымъ выводомъ изъ этихъ наблюденій представляется слѣдующій: былина о Соловѣ Будимировичѣ была снабжена скоморшьей прелюдіей и вмѣстѣ съ нею отъ профессиональныхъ пѣвцовъ-скоморховъ—перешла къ олонецкимъ крестьянамъ.

Современныя записи былины указываютъ на ея принадлежность сѣверному былинному репертуару. Соловей Будимировичъ, какъ пріѣзжій въ Кіевѣ женихъ, неизвѣстенъ нигдѣ въ Россіи помимо Олонецкой губернии и былъ извѣстенъ въ Западной Сибири въ прошломъ столѣтіи (во времена Кириши Данилова). Если изъ современнаго района извѣстности этого сюжета еще нельзя дѣлать безспорныхъ заключеній о сѣверномъ происхожденіи былины, то все же это обстоятельство имѣетъ нѣкоторый вѣсъ при другихъ доказательствахъ сѣверной родины этого произведенія, если таковыя найдутся. Для послѣдней цѣли обратимъ вниманіе на нѣкоторыя бытовые черты былины и прежде всего на бросающееся въ глаза ея сходство съ новгородской былинной о Садкѣ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Соловей Будимировичъ представляется богатымъ мореходомъ, собственникомъ кораблей, нагруженныхъ дорогими товарами. У него, какъ у Садка, 30 кораблей, изъ которыхъ тотъ, на которомъ онъ ѣдетъ самъ, чудно разукрашенъ.

Единный корабликъ передомъ бѣжить,
 Передомъ бѣжить, какъ соколъ лететь;
 Высоко его головка призаднута,
 Носъ-корма была по звѣрину,
 А бока сведены по турину,
 Того ли тура заморскаго,
 Заморскаго тура литовскаго;
 На томъ на черленомъ на кораблѣ
 Были паруса-флаги крунчатой камки,
 Спасти и кодоны были шелковыя,
 Того ли были шелку шемаханскаго,
 Лкори-то были булатніе,
 Булатъ-желѣза Сибирскаго,
 Сибирскаго желѣза, Поморскаго.
 На томъ ли черленомъ на кораблѣ
 Среди корабля стоитъ зеленъ чердакъ,
 Зеленъ чердакъ муравлений;
 Въ томъ ли зеленомъ во чердакѣ
 Потолокъ обить чернымъ бархатомъ,
 Стѣны покрыты чернымъ соболемъ;
 Изивѣшанъ зеленъ чердакъ
 Куницями и лисцами

Печёрскимъ и сибирскимъ,
Ушкыстымъ и пушкыстымъ ¹⁾.

То же описаніе корабля съ большими или меньшими вариациями въ подробностяхъ находимъ, какъ извѣстно, въ былинахъ о Садкѣ ²⁾, причеъ и корабль самого Садка иногда называется Соколомъ, какъ, въ пересказѣ у Кирши Данилова, корабль Соловья Будимировича. Нельзя думать, чтобы фантастически разукрашенный корабль Соловья былъ скопированъ съ корабля Садка или наоборотъ. Корабль съ извѣстными признаками, повидимому, общее мѣсто (*locus communis*), старинная эпическая картинка, которая вставлялась въ былины всякій разъ, когда дѣло шло о богатырскомъ кораблѣ. На такомъ же вычурномъ кораблѣ, какъ Соловей и Садко, ѣдетъ Илья Муромецъ въ извѣстной былинѣ ³⁾. Но эта эпическая картина была создана и пошла въ ходъ въ такихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ процвѣтало судоходство, гдѣ населенію были хорошо знакомы не только лодки, но большіе суда сложной конструкторціи. Покойный А. И. Котляревскій видѣлъ въ этомъ эпическомъ описаніи идеализированныя черты скандинавскихъ кораблей, какъ они изображаются въ сагахъ. Допуская возможность вліянія какого-нибудь западнаго образца, все же нужно думать, что онъ далъ только канву, по которой былъ вышитъ рисунокъ въ русскомъ вкусѣ: на украшеніе корабля пошли пушныя богатства сѣверно-русскаго края—черные соболи, печерскія лисицы и куницы и хорошо извѣстные на Руси ткапи изъ шелковъ шемахинскихъ и хрущатой камки. Подробности оснастки корабля—мачты, паруса, кодолы, рен, сходни и проч.—указываютъ на знакомство слагателей эпическаго описанія съ судоходнымъ дѣломъ, а такое знакомство можетъ указывать на предприимчивыхъ новгородскихъ судокозюевъ и ушкуйниковъ.

Отиѣтимъ другія черты спеціальнаго знакомства съ судоходнымъ дѣломъ въ былинѣ.

Говорилъ тутъ Соловей таково слово:

„Что вы братцы дружинушка хоробрыи,

¹⁾ *Рыбниковъ*, I, № 53, стр. 318—319.

²⁾ См. напримѣръ, *Гильбердинъ*, № 146, *Рыбниковъ*, III, № 42, I, № 61 и 63.

³⁾ См. Былины старой и новой записи II, №№ 16, 17 и приложение стр. 276. Сходное описаніе корабля см. въ свадебной пѣснѣ Архангельской губерніи въ сборникѣ *В. М. Истомина*. „Пѣсни русскаго народа. С.-Пб. 1894, стр. 181—132. Сравни также пѣсню въ „Матеріалахъ по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи“ собранныхъ *И. С. Ефименкомъ*. Часть II, стр. 112.

А хоробрѣя дружинѣя Соловьѣвыи!
 Да слушайте-тко большаго атамана-то вы,
 Да дѣлайте дѣло повелѣное:
 А взимайте-ко шестки мѣрныи вѣ,
 А миряйте-ко людѣя морски-то эти,
 А чтобы намъ молодцамъ туда проѣхати" ¹⁾.

Это щупанье лудѣ, то-есть мѣсть, усѣянныхъ подводными камнями, очевидно бытовая черта сѣвернаго мореходства, опять оказывается въ новгородской былинѣ о Садкѣ, который почти съ тѣми же словами обращается къ своей дружинѣ:

Ай же, дружки-братѣя корабельщички!
 Берите-ко щупы желѣзныи,
 Шунайте въ синемъ морѣ:
 Пѣтъ-ли луды или каменя,
 Пѣтъ-ли отмели песочныи?" ²⁾.

Въ одномъ пересказѣ былинны о Соловьѣ Будимировичѣ ³⁾ щупанье дна щупалами желѣзными дѣлается между прочимъ для исканія мелкаго сканнаго жемчуга. Можетъ быть, въ основѣ этой картины лежитъ что-нибудь реальное: извѣстно, что въ Россіи перловка жемчугоносная водится въ рѣкахъ губерній Архангельской, Олонецкой, Новгородской и другихъ и что ловля этихъ раковинъ снабжала, и до сихъ поръ снабжаетъ, мелкимъ жемчугомъ уборы сѣверно-русскихъ женщинъ, купчихъ, мѣщанокъ и зажиточныхъ крестьянокъ. Старинныя кокошники новгородскихъ, олонецкихъ и архангельскихъ женщинъ густо усаживались этимъ мѣстнымъ жемчугомъ.

Продолжая сравненіе былинъ о Соловьѣ и Садкѣ, находимъ сходство въ частностяхъ плана и въ личности героя. И здѣсь и тамъ отношеніе героя—торговаго гостя—къ спутникамъ одинаковое, выражающееся въ различныхъ его приказаніяхъ дружинишкѣ: обыкновенно оба обращаются къ ней со словами: „слушайте большаго братца атамана“, и значительная часть былинны заята приказаніями и исполненіемъ ихъ. Соловей Будимировичъ приказываетъ: подымать паруса, щупать луды, смотрѣть въ трубки подзорныи, кидать якоря, спускать сходни, строить терема въ саду у Запавы, и каждый разъ „дружинишка хоробрая слушаетъ большаго атамана и дѣлаетъ дѣло повелѣное“. Садко велитъ дружинишкѣ скупать всѣ товары въ

¹⁾ Гильбердинъ, № 53 = Рыбниковъ, I, 54.

²⁾ Рыбниковъ, III, № 41, стр. 242.

³⁾ Рыбниковъ, II, 31.

Новгородѣ, строить корабли и нагружать ихъ товарами, вырѣзывать и метать въ море жеребья,—и все это немедленно приводится въ исполненіе дружиной. Аналогіи постройки обѣихъ былинъ соотвѣтствуетъ и сходство въ личности обонхъ героевъ: Садко — богатый купецъ, собственникъ кораблей съ дорогими товарами и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный гуслирь; Соловей Будимировичъ сходенъ съ нимъ и въ томъ, и въ другомъ. Хотя онъ называется гостемъ торговымъ только въ былинѣ Кириши Данилова, хотя цѣль его пріѣзда въ Кіевъ не торговая, но его корабли наполнены товарами; онъ строитъ (по двумъ былинамъ ¹⁾) при берегахъ и *юстиний дворъ*, платитъ товарную пошлину въ таможи со всѣхъ кораблей 7 тысячъ ²⁾, и въ той же былинѣ Кириши Данилова по отъѣздѣ Соловья Давидъ Поповъ заявляетъ князю:

„Я-де объ немъ слышалъ,
 Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ,
 У того царя заморскаго;
 Соловей у царя въ протаможѣ попалъ,
 И за то посаженъ въ тюрьму,
 А корабли его отобраны
 На его-жъ царское величество“.

Такимъ образомъ пріѣзжій богатый женихъ, подносящій кіевскому князю, княгинѣ и Запавѣ драгоценные подарки со своихъ кораблей: черныхъ соболей, бурнастыхъ лисицъ, хрущатую камку съ хитрымъ заморскимъ узоромъ, мисы золота, серебра и жемчуга, благодаря именно этимъ аксессуарамъ, могъ представляться пѣкоторымъ сказителямъ торговымъ гостемъ. Съ другой стороны Соловей является искуснымъ гуслиромъ: сходя по сходнѣ золоченой съ корабля, онъ беретъ съ собой свой инструментъ—гуселки яровчатыя ³⁾, и когда Забава Путятична, подходя къ построенному имъ терему, подслушиваетъ, то

Въ томъ терему стучитъ и гремитъ,
 Пѣсни поетъ и гусли играетъ
 Младъ Соловей сынъ Будимировичъ:
 Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
 Тонци по голосу налаживаетъ,
 Тонци онъ ведетъ отъ Новагорода,

¹⁾ Рыбниковъ, II 31, стр. 190; Гильфердингъ, № 199 столб. 953.

²⁾ Кириша Даниловъ, № I.

³⁾ Гильфердингъ, № 68, столб. 368. Рыбниковъ, III 32.

А другіе вѣдетъ отъ Еросолима,
 А всѣ малые припѣвки за сѣня моря,
 За сѣняго моря Волинскаго,
 Изъ за того Кодольскаго острова,
 Изъ за того лукоморья зеленого¹⁾.

Можетъ быть, *тонцы изъ Новгорода*, упоминаемые въ трехъ пересказахъ былины, также одинъ изъ слѣдовъ ея новгородскаго происхожденія, которое мнѣ представляется вѣроятнымъ уже по вышеразсмотрѣннымъ ея аналогіямъ съ *новгородской* былинной о Садкѣ.

Если таково происхожденіе былины въ той версіи, которая дошла до насъ въ 10 вариантахъ, то прикрѣпленіе Соловья Будимировича къ Киевскому циклу не можетъ быть выдвигаемо въ пользу Киевскаго происхожденія былины. Приписывать былинѣ такую глубокую древность только потому, что дѣйствіе ея совершается въ Киевѣ при князѣ Владимірѣ, едва ли возможно. Эпическое прикрѣпленіе къ Киеву не стерло въ былинѣ чертъ ея сѣвернаго, новгородскаго происхожденія, и онѣ обнаруживаются даже въ географическихъ подробностяхъ нѣкоторыхъ пересказовъ. Какъ въ былинахъ о Садкѣ, упоминающихъ Неву и Ладожское озеро, подъ сѣнимъ моремъ, въ которое выѣзжаютъ его корабли, должно разумѣть море ближайшее къ Новгороду—Балтійское, такъ тѣ же мѣста встрѣчаются въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ:

„Исподъ дуба, дуба сыраго,
 Исподъ той березы сподъ накланнины,
 Матушка Нева широко прошла,
 Устьемъ выпадала во сѣне море во Вирянское.
 По сѣнему морю корабли бѣжать,
 Одинъ то корабликъ изукрашень былъ“ и проч.²⁾

Въ другомъ пересказѣ³⁾ тридцать кораблей бѣгутъ по морю Веряйскому, которые, впрочемъ, тутъ же названо также Дунайскимъ. Название Вирянское или Веряйское, конечно, позднее искаженіе имени *Варяжское*. По эпической наивности и по малому знанію географіи, нѣвецъ былины не затруднялся путешествіемъ Соловья Будимировича по Варяжскому морю, долженствовавшимъ привезти его въ Киевъ. Вообще географія былины по отдѣльнымъ пересказамъ край-

¹⁾ *Рыбниковъ*, I 53; срав. *Рыбниковъ*, IV № 11 стр. 59; III № 33 стр. 196; *Гильбердингъ*, № 68.

²⁾ *Рыбниковъ*, IV № 11.

³⁾ *Гильбердингъ*, № 208.

не путанная и едва ли она была осмысленнѣе въ основной редакціи. Корабли Соловьѣ прибываютъ въ Кіевъ то по Волгѣ ¹⁾, то по морю Турецкому ²⁾, то по морю Волинскому ³⁾ (искаженіе Хвалынскаго), то по какому то неопредѣленному синему морю отъ славнаго города Леденца ⁴⁾, то по морю Дунайскому ⁵⁾ (то-есть Черному). Только въ двухъ, и по странной случайности самыхъ плохихъ пересказахъ, у Гильфердинга ⁶⁾ упоминается Нѣпра, хотя все же нѣтъ ясныхъ представленій о предѣлахъ плаванья Соловьѣ, то-есть откуда онъ выѣзжаетъ и какимъ путемъ попадаетъ въ Кіевъ. Видно, что слагатель, прикрѣпившій мѣсто дѣйствія былины къ Кіеву, имѣлъ смутное понятіе и о теченіи Днѣпра. Что, напр., можно извлечь изъ слѣдующихъ географическихъ указаній одного изъ обихъ пересказовъ, упоминающихъ Нѣпру?

„Ай изъ-за того острова Кахойлова,
Ай изъ-подъ того вязу съ-подъ черлѣнаго,
Ай изъ-подъ того камешка съ-подъ бѣлаго,
Изъ-подъ того кустышка ракитоваго,
А пала выпадала мать Нѣпра рѣка,
А устьемъ выпадала въ море Черное,
Въ Черное море во Турецкое
А по этой матери Нѣпрѣ по рѣки,
Вылеталъ, выѣзжалъ младъ хупавъ молодець (откуда?),
Молодъ Соловей сынъ Будимировичъ.
Поѣзжалъ Соловей вѣдь онъ свататься
А за славное онъ за синѣ море,
Да ко славному городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю ко Владимиру“ и проч. ⁷⁾.

Здѣсь Соловей, выѣзжая неизвѣстно откуда по Днѣпру въ Черное море, попадаетъ, не поворачивая назадъ, въ Кіевъ въ полномъ противорѣчій съ географіей. Такого противорѣчія нѣтъ въ былинѣ Кириши Данилова, гдѣ корабль Соловьѣ Будимировича пристаеетъ въ Днѣпрѣ подъ Кіевомъ, выѣхавъ изъ загадочнаго города Леденца.

Вообще попытки объяснить географическія показанія былины до

¹⁾ Гильфердинъ, № 53; Рыбниковъ, I 54.

²⁾ Рыбниковъ, II 81.

³⁾ Рыбниковъ, I 53.

⁴⁾ Кириша Даниловъ, № I.

⁵⁾ Гильфердинъ, № 68; Рыбниковъ, III 33.

⁶⁾ Гильфердинъ, №№ 36 и 199.

⁷⁾ Гильфердинъ, № 199.

сихъ поръ не привели ни къ чему маломальски вѣроятному. Имя острова Кодольскаго (или острововъ Кодольскихъ) находится, повидимому, въ связи съ названіемъ *Кодоли*—толстые канаты, которое встрѣчается въ той же былинѣ: *кодольскіе* острова, можетъ быть, такіе, гдѣ запасались *кодолами*, и мы напрасно станемъ искать ихъ на картѣ. Попытка проф. Халанскаго объяснить городъ Леденець въ связи съ сербскимъ и болгарскимъ эпическимъ Ледяномъ (Леѳан, Леген) градомъ мнѣ не кажется удовлетворительной. „Происхожденіе и значеніе эпическаго имени Ледяна—Легена—Леденца, говоритъ проф. Халанскій, становится совершенно понятнымъ въ связи съ средне-вѣковымъ германскимъ эпосомъ; въ этомъ послѣднемъ мы находимъ ключъ къ простому и понятному объясненію этого названія: Леѳан—Леденець есть *Islant* то-есть Ледяной городъ, а первоначально Ледяной островъ или Ледяная земля, страна ¹⁾“. Такимъ образомъ сербскій и русскій эпическій городъ представляетъ результатъ неточнаго перевода названія Исландія. Будто-бы это такъ просто и понятно? Въ пользу своего предположенія проф. Халанскій цитируетъ только одно мѣсто изъ Саксона грамматика, въ которомъ говорится объ Исландіи: *insula quae Glacialis dicitur*. Но изъ того, что Саксонъ грамматикъ въ своей латини далъ объясненіе имени острова, еще нельзя предполагать, вмѣстѣ съ г. Халанскимъ, что „вѣроятно оно (то-есть *Islant*) переводилось такимъ образомъ и въ устной средневѣковой поэзіи германской и славянской“. Если подъ средневѣковой германской поэзіей авторъ имѣетъ въ виду пѣснь о Нибелунгахъ, въ которой (авентюры VI—VIII) въ разказѣ о женитьбѣ Гунтера на Брунхильдѣ послѣдняя живетъ въ *Islant-ѣ*, то здѣсь никакого перевода имени нѣтъ, такъ какъ оно и безъ того понятно и географически и этимологически. Такимъ образомъ, рѣчь можетъ быть только о славянскомъ переводѣ имени *Islant*, будто бы проникшаго къ южнымъ славянамъ вмѣстѣ съ сюжетомъ о Гунтерѣ и Брунхильдѣ, отразившимся на пѣсняхъ типа „Женитьба Душана“. Но такой славянскій переводъ крайне подозрителенъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) для перевода собственнаго имени страны столько же мотивовъ, сколько для перевода собственныхъ именъ лицъ. При обработкѣ иностраннаго сюжета слагатели народныхъ эпическихъ пѣсенъ обыкновенно замѣняютъ чуждыя имена своими родными, вводя сюжетъ въ свой эпическій циклъ, либо подгоняютъ ихъ народной этимоло-

¹⁾ Южно-славянскія сказанія о владѣвичѣ Марко, II, стр. 317.

гій подъ родныя сходныя по звукамъ слова; 2) если бы мы допустили уже сербскій переводъ имени *Islant*, то ожидали бы найти настоящій переводъ, то-есть лѣдна зѣмля или лѣдена зѣмля (ледяная страна), а не странное имя Леѳан. Спрашивается, почему страна стала городомъ и притомъ *латинскимъ* (У Леѳану граду латинскомѣ), почему далѣе отъ имени Леѳан пошло прилагательное Леѳанско, прикрѣпляемое въ пѣсняхъ къ какому то полю (Па он оде низ поле Леѳанско¹⁾). Все это крайне загадочно. Но нужно еще доказать, что сербскій Леѳан имѣетъ отношеніе къ нашему Леденцу. Вѣдь имя города Леденца встрѣчается только однажды въ нашемъ эпосѣ, только въ вариантѣ былины о Соловьѣ Будимировичѣ у Кириши Данилова. Въ пересказѣ у Рыбникова (II № 81) вмѣсто города Леденца находимъ землю Веденецкую. „Леденець и Веденецкая земля, справедливо замѣчаетъ А. Н. Веселовскій, несомнѣнно стоитъ одно за другое; но въ какомъ изъ нихъ больше смысла, рѣшить трудно: можетъ быть Веденецкое вмѣсто Венедецкое? сл. въ Сказаніи о Кіевскихъ богатыряхъ (рукопись Е. Барсова): камки венецкіе, и въ нашей лѣтописи: „Корлязи, Вендици, Фрягове“. Леденець легко бы объяснить искаженіемъ Веденца²⁾“. Это подозрѣніе, на нашъ взглядъ весьма основательное, побуждаетъ насъ воздержаться отъ сближенія нашего Леденца съ южно-славянскимъ Леѳан’—омъ, какъ бы ни объяснялось имя послѣдняго. Не останавливаясь долѣе на географическихъ данныхъ былины о Соловьѣ Будимировичѣ, замѣтимъ въ заключеніе, что они не даютъ никакихъ доказательствъ въ пользу южно-русскаго ея происхожденія.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ тѣми признаками былины о Соловьѣ Будимировичѣ, которые указываютъ на ея сѣверное (новгородское) происхожденіе. Посмотримъ теперь, противорѣчатъ ли этому предположенію результаты изслѣдованія ея содержанія и изложенія. Академикъ А. Н. Веселовскій видитъ въ былинѣ разказъ о брачной поѣздкѣ, богато разукрашенный символическою нашихъ свадебныхъ пѣсень. Такъ, Соловей проситъ отвести ему загонъ земли „непаханой, неораной“, въ зеленомъ саду Запавы, въ ея вишеньѣ-орѣшеньѣ; онъ хочетъ вырубить его и построить свой теремъ. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ обычно представленіе дѣвничества—садомъ виноградомъ³⁾; игра жениха на гусяхъ, игра его съ невѣстой въ

¹⁾ См. Словарь В. С. Караджича, в. в.

²⁾ Южно-русскія былины, II, стр. 77.

³⁾ Тамъ-же, I, стр. 67.

шахматы—черты символика любви; мѣсяць, солнце, звѣзды въ теремѣ напоминаютъ такой же параллелизмъ колядокъ и т. п. Словомъ, говоритъ А. Н. Веселовскій, брачный характеръ сюжета былъ поводомъ пѣвцамъ—разработать его общими мѣстами пѣсенной свадебной символика ¹⁾“. Усвоивъ этотъ взглядъ, проф. Халанскій развиваетъ его дальше. „Былина о Соловьѣ Будимировичѣ стоитъ въ самой тѣсной связи съ великорусскими свадебными пѣснями. Въ сравненіи съ символикой послѣднихъ выясняются какъ общій смыслъ былины, такъ и значеніе отдѣльныхъ частныхъ ея ²⁾“. Въ великорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ пріѣзжаетъ изъ-за моря, сваты являются купцами-корабельщиками, женихъ—соловьемъ, залетѣвшимъ въ садъ невѣсты или строителемъ терема ³⁾; иногда онъ представляется играющимъ на гусяхъ, а невѣста слушающей его игру; иногда невѣста проигрываетъ жениху свою волюшку въ шахматы; иногда женихъ увозитъ суженую на кораблѣ и т. п. Словомъ, по мнѣнію проф. Халанскаго, „связь былины о Соловьѣ Будимировичѣ со свадебной народной поэзіей такъ жива и такъ глубока, что не можетъ, кажется, имѣть мѣста мысль о литературномъ заимствованіи ея сюжета“ ⁴⁾. Однако дальнѣйшія изслѣдованія проф. Халанскаго заставили его значительно ограничить этотъ взглядъ. Въ своемъ новѣйшемъ трудѣ онъ указываетъ на замѣчательное сходство между былиной и книжной новѣстью о Василии златошлемомъ, королевичѣ чешской земли, причемъ предпосылаетъ детальному сравненію слѣдующее замѣчаніе: „большое сходство между этими произведеніями едва-ли, впрочемъ, зависитъ отъ непосредственнаго вліянія перваго на вторую; по всей вѣроятности, оба восходятъ къ какому-то общему прототипу, заключающемуся въ обширномъ матеріалѣ средневѣковыхъ рыцарскихъ сказаній“. Дѣйствительно, сходство и въ общемъ, и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ бросается въ глаза ⁵⁾.

Отсылая къ подробному сравненію, сдѣланному проф. Халанскимъ, выдвинемъ лишь главныя черты сходства. Королевичъ Василій Пре-

¹⁾ Южно-русскія былины, стр. 78.

²⁾ Великорусскія былины Киевскаго цикла, стр. 148.

³⁾ Въ свадебной пѣснѣ изъ Архангельской губерніи, записанной *Θ. М. Истоминымъ*, женихъ, уподобляемый Соловьѣ, обѣщаетъ построить невѣстѣ въ саду сѣни новыя. См. Пѣсни русскаго народа, 1894, стр. 97 и слѣд.

⁴⁾ Названное сочиненіе, стр. 160.

⁵⁾ Южно-славянскія сказанія о Кравевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса, II, стр. 327.

красный, получивъ отказъ въ рукѣ дочери французскаго короля Полиместры, снаряжаетъ корабль, беретъ съ собой великіе дары и переодѣтый простымъ матросомъ ѣдетъ во Францію; какъ Соловей, онъ (точнѣе: по его приказу гость Василій) просить у короля мѣсто построить дворецъ близъ королевскихъ палатъ; дворецъ его дивно разукрашенъ; Василій королевичъ прельщаетъ королевну игрою на гусяхъ, какъ Соловей Запаву, и побуждаетъ ее придти къ себѣ во дворецъ. Слѣдуетъ наказаніе королевны, отвергшей раньше открытое сватовство Василья, и его отъѣздъ, хлопоты обезпеченной королевны о прощеніи, вторичный пріѣздъ Василья и свадьба. Сопоставленіе обоихъ произведеній приводитъ проф. Халанскаго къ слѣдующему новому взгляду: „Иностранное происхожденіе основы великорусской былины о Соловьѣ Будимировичѣ, при наличности столь сходной съ ней Повѣсти о Василю Златовласомъ, должно быть поставлено внѣ всякаго сомнѣнія. Былина о Соловьѣ Будимировичѣ есть, слѣдовательно, передѣлка неизвѣстнаго западнаго сказанія о свадебной поѣздкѣ заморскаго витязя, быть можетъ, царевича („Отъ того-де *царя* вѣдь *заморскаю*“, вариантъ Кирши), прельщающаго невѣсту своей музыкой и великолѣпиемъ обстановки своей жизни ¹⁾“. Приведенныя же раньше самимъ проф. Халанскимъ параллели свадебныхъ пѣсенъ къ былинѣ „теперь получаютъ иной смыслъ и значеніе. Онѣ любопытны, какъ цѣнныя откровенія изъ области явленій процесса подражательнаго творчества, который сопровождалъ усвоеніе великорусскимъ эпосомъ входившихъ въ него иностранныхъ сюжетовъ“ ²⁾.

Новое объясненіе проф. Халанскаго и мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ. Дѣйствительно, я въ своемъ курсѣ по русскому народному эпосу (1892—1893 годовъ) уже проводилъ ту мысль, что сходство въ нѣкоторыхъ деталяхъ обработки между былиной о Соловьѣ Будимировичѣ и нашими свадебными пѣснями не устраняетъ вопроса о происхожденіи самого сюжета, который въ основѣ можетъ оказаться заимствованнымъ изъ какой нибудь сказки. Вѣдь сходные мотивы въ свадебныхъ пѣсняхъ могутъ восходить въ концѣ концовъ къ тѣмъ же странствующимъ сказкамъ, въ которыхъ дѣло идетъ о добываніи невѣсты. Слагатели свадебныхъ пѣсенъ, иногда профессиональные пѣвцы, для приукрашенія, идеализированія бытовой стороны,

¹⁾ Наз. соч. стр. 384.

²⁾ Тамъ-же, стр. 385.

могли вплетать въ изображеніе отношеній жениха и невѣсты мотивы изъ сказокъ. А въ послѣднихъ очень часто какой нибудь королевичъ пріѣзжаетъ свататься на пышномъ кораблѣ, строятъ, иногда по требованію отца невѣсты, чудныя палаты, которыя заинтересовываютъ и привлекаютъ невѣсту, или женихъ является искуснымъ музыкантомъ, или играетъ въ шахматы, причѣмъ невѣста является ставкой и т. п. Можно согласиться съ словами проф. Халанскаго (въ первой его книгѣ), что „средства для созданія эпического образа (Соловьѣ Будимировича) были всѣ у себя дома, въ области символовъ свадебной пѣсенной поэзіи“¹⁾, но эти *домашніе* символы, представляющіе идеально житейскій бракъ, восходятъ, отчасти, по крайней мѣрѣ, къ сказочнымъ мотивамъ, носившимся въ представленіи слагателей свадебныхъ пѣсенъ, и поэтому все же долженъ быть поставленъ историко-литературный вопросъ, не найдется-ли такого сказочнаго сюжета, въ которомъ оказались бы въ такомъ же или сходномъ сочетаніи типичныя черты содержанія былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Въ настоящее время такая сказка указана проф. Халанскимъ въ старинной передѣланной съ иноземнаго (польскаго?) повѣсти о Василю Златовласомъ, чешскомъ королевичѣ, и остается лишь точнѣе уяснить отношеніе повѣсти къ былинѣ. Проф. Халанскій покуда считаетъ лишь возможнымъ предположить, что обѣ восходятъ къ какому-то общему западному прототипу. Дѣйствительно, пока не выяснено отношеніе Повѣсти къ ея непосредственному оригиналу, еще не найденному²⁾, трудно говорить опредѣлительно, легла-ли именно она въ основу нашей былины, или только нѣкоторыми чертами своими повлияла на переработку былины, которая могла раньше содержать, при родственности сюжета, другія черты, или, наконецъ, обѣ восходятъ къ одному прототипу. Вѣроятно, впослѣдствіи эти вопросы уяснятся при помощи новыхъ находокъ въ области фольклора, а въ ожиданіи этого я пока могу обратить вниманіе на нѣкоторыя былинные данныя, указывающія на извѣстность Повѣсти о Василю Златовласомъ.

¹⁾ Великор. былины Кіевского цикла, 166.

²⁾ До сихъ поръ *Повѣсть* издана по одному лишь списку XVIII вѣка изъ бывшаго древнехранилища Погодина. См. Предисловіе къ изданію ея И. Шляпкина, „Памятники древней письменности“. С.-Пб. 1882. Разборъ ея содержанія, по безъ указанія на сходство ея съ былинной о Соловьѣ Будимировичѣ, принадлежитъ академику А. И. Веселовскому (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, I, стр. 62).

нашему сѣверному населенію, хранившему былины и вносившему въ нихъ при ихъ передачѣ нерѣдко черты изъ лубочныхъ сказокъ и рукописныхъ повѣстей. Такъ, миѣ кажется вѣроятнымъ отношеніе былиннаго *прекраснаю* царя Василя Окульевича, похитителя Соломоновой жены, къ *прекрасному* Василю королевичу. Припомнимъ, помимо *нѣкотораго* сходства въ обстановкѣ обоихъ разказовъ, слѣдующія черты Повѣсти. Василий Златовласый королевичъ, когда пришло ему время жениться, „желая сего еже бы ему такому супружницу поняти подобну себѣ красотою и мудростію и начать спрашивать купеческихъ людей, которые ѣздятъ по многимъ землямъ и царствомъ и королевствомъ, гдѣ кто знаетъ ему подобну дѣвицу красотой и разумомъ, и нѣкто отъ гостей, именовъ *Василій*“, разказываетъ ему о дочери французскаго короля, какъ о дѣвицѣ его вполнѣ достойной. Сравнимъ съ этимъ начало былины о Василя Окульевѣ изъ сборника Ефименка ¹⁾. *Прекрасный* царь Василий Окульевичъ на пиру спрашиваетъ, не знаетъ-ли кто изъ присутствующихъ для него невѣсты его достойной. На его запросъ откликается одинъ молодецъ по прозванію *Василій Пустоволосовичъ* и заявляетъ, что знаетъ для него невѣсту (жену Соломона). Не странно-ли такое совпаденіе? И въ повѣсти, и въ былинѣ женихъ называется Василюмъ *прекраснымъ*, и здѣсь и тамъ на вопросъ жениха даютъ отвѣтъ молодцы также Василя. Въ былинѣ второй Василий называется почему-то *Пустоволосовичъ*. Не реминисценція-ли это Василя *Златовласаго* съ неудачнымъ перенесеніемъ искаженнаго признака (волось) на другого Василя?

Далѣе въ *Повѣсти* идетъ разказъ о снаряженіи корабля, на которомъ ѣдутъ за невѣстой гость Василий и королевичъ Василий, первый въ качествѣ начальника, второй—переодѣтый матросомъ, но въ сущности главнымъ распорядителемъ-инкогнито. Въ былинѣ то же снаряженіе корабля для увоза Соломопиды, но ѣдетъ одинъ Василий Пустоволосовичъ. Въ Повѣсти королева Полиместра идетъ заманенная разказомъ о диковинкахъ во дворецъ Василя Златовласаго; въ былинѣ Василий Пустоволосовичъ заманиваетъ диковинками Соломопиду на свой корабль.

Конечно, изъ этихъ аналогій и совпаденій въ нѣкоторыхъ именахъ мы не станемъ выводить, что въ основѣ былины о Василя Окульевичѣ лежитъ Повѣсть о Василя Златовласомъ. Но нужно думать, что

¹⁾ См. Былны стар. и нов. записи, II, № 67.

при однородности сюжетовъ между ними произошло сопрیکосновеніе, состоявшее въ томъ, что нѣкоторые сказители былины при сказываніи ея припоминали смутно нѣкоторыя черты Повѣсти о Василии Златовласомъ и переносили ихъ въ былину. Такъ, напримѣръ, въ болѣе раннихъ версіяхъ былины царь-похититель Соломонида могъ называться иначе и его посоль не назывался Василиемъ, какъ въ вариантѣ Ефименка ¹⁾). Но подъ влияніемъ *Повѣсти*, гдѣ дѣйствуютъ два Василія, царь и посоль одинаково получили (по крайней мѣрѣ въ пересказѣ Арханг. губерніи) это имя. Вѣроятно этимъ же влияніемъ объясняется, что и былина о сватовствѣ князя Владимира (былина о Дунаѣ), представляя по своему началу (пиръ, вопросъ князя о достойной его невѣстѣ) нѣкоторое сходство съ былиной о Василии Окулевичѣ, притянула къ себѣ въ нѣкоторыхъ пересказахъ имя Василія. Такъ, въ одномъ вариантѣ у Рыбникова ²⁾, Дунай, отправляемый сватомъ къ королю Литовскому, беретъ съ собою *Василія* Казимировича, а послѣдній прихватываетъ еще *Василія паробка заморскаго*. Такимъ образомъ и здѣсь совершенно некстати оказалось два Василія, изъ которыхъ второй—заморскій—особенно напоминаетъ гостя Василія *Повѣсти*, который ѣздилъ по многимъ землямъ и царствамъ.

Такого рода слѣды влиянія книжныхъ повѣстей и лубочныхъ сказокъ на отдѣльные пересказы былинъ позволяютъ надѣяться, что при болѣе детальномъ знакомствѣ съ тѣми рукописными тетрадками, которыя до сихъ поръ ходятъ по рукамъ простонародья въ сѣверныхъ губерніяхъ (Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Томской) мы получимъ возможность объяснить нѣкоторыя детали былинныхъ текстовъ и составимъ себѣ болѣе отчетливое понятіе о процессѣ самого сложенія былинъ, такъ какъ намъ уже давно стало ясно, послѣ наблюденій Гильфердинга, что сказитель былины является *до нѣкоторой степени* каждый разъ ея слагателемъ. Пока же ограничимся только тѣмъ выводомъ, что Повѣсть о Василии Златовласомъ, хотя доселѣ извѣстная по одной рукописи, несомнѣнно ходила (быть можетъ ходить еще доселѣ) по рукамъ сказителей Архангельской и Олонецкой губерніи и отразилась на нѣкоторыхъ пересказахъ былинъ о сватовствѣ или увозѣ невѣсты.

¹⁾ Посоль по другимъ вариантамъ называется: Ивашка поверенный (Был. ст. и нов. зап., № 66.

²⁾ I, № 31.

Возвращаясь къ былинѣ о С. В., замѣтимъ, что изслѣдованіе историко-литературной ея стороны не противорѣчитъ нашему предположенію о ея сѣверномъ (новгородскомъ) происхожденіи, а напротивъ скорѣе подтверждаетъ его. Если въ основѣ ея лежитъ тотъ же западный прототипъ, который въ болѣе подробной обработкѣ находимъ въ переводной или передѣланной повѣсти о Василіи королевичѣ Злато-власомъ, то по пути съ Запада этотъ прототипъ былины вѣроятно не миновалъ того района Руси, который состоялъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ Западной Европѣ. При обработкѣ этого сюжета въ былину эпическіе, изстари установленные мотивы того края, гдѣ эта обработка совершилась, должны были наложить на нее свою печать. Такова выработавшаяся, конечно, въ новгородской эпикѣ картина чудснаго корабля, пригодившаяся слагателю былины, такъ какъ въ сюжетѣ дѣло шло о морскомъ путешествіи за невѣстой. Пригодился, хотя бы только для обстановки, и другой эпическій образъ новгородскаго творчества. Это—обликъ матери Соловья Будимировича, той матерой вдовы, того типа властной, самостоятельной и уважаемой женщины, который, какъ я старался показать въ другой работѣ, возникъ на новгородской почвѣ, какъ эпическій отголосокъ новгородской культуры, не обдѣлившей женщину, по крайней мѣрѣ верхнихъ классовъ, правами и вліяніемъ не только въ семьѣ, но въ обществѣ и государствѣ. Вглядимся въ фигуру матери Соловья: она надѣлена тѣми же чертами, какія характеризуютъ матерей новгородскихъ героев—Василія Буслаева, Хотѣна Блудовича ¹⁾ и Добрыни Никитича. Въ одномъ пересказѣ (Кирши Данилова) она раздѣляетъ съ ними даже имя—*Амелфы Тимофеевны*. Сынъ относится къ матери съ тою любовью и почтеніемъ, какъ буйный Васька Буслаевъ или вѣжливый Добрыня Никитичъ. Мать сопровождаетъ любимаго сына на кораблѣ, она сидитъ въ роскошно устроенной рубкѣ и дорогого сынъ

Игралъ въ гусельшки яровчаты,
Сидѣшалъ свою родитель матушку ¹⁾.

По приѣздѣ въ Кіевъ Соловей строитъ для матери роскошный особый теремъ, чтобы его веселая дружина не беспокоила ее. Въ

¹⁾ См. мою замѣтку къ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.*, мартъ. 1895.

²⁾ *Гильфердингъ*, № 36. Стр. 178.

этомъ теремѣ изъ уваженія къ матери-вдовѣ шепоткомъ говорятъ, ибо тамъ

„Молится матушка вѣдь Господу,
Умаливать за сына за любимаго,
За младаго сына Гудимирова“¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ пересказахъ мать Соловья не носитъ имени; въ трехъ²⁾—она называется Ульяной Васильевной или Григорьевной, въ одномъ—сибирскомъ—Амельфой Тимофеевной. Совпаденіе трехъ пересказовъ въ имени Ульяны указываетъ на его прочность по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ районѣ (Толвуи, Пудога, Кижы) и нуждается въ объясненіи, такъ какъ имя Ульяны далеко не такое распространенное, какъ Марья, Авдотья, Анна и друг. Въ видѣ догадки могу предположить слѣдующее. Если мы припомнимъ, что въ изображеніи матери Соловья особенно подчеркнуто ея благочестіе (она постоянно молится за сына), то, быть можетъ, выборъ имени для этой благочестивой матери объясняется извѣстностью въ народѣ имени Ульяны (Ульяніи) Муромской, этой идеальной жены и матери, пользовавшейся и при жизни, и по смерти высокимъ почетомъ на Руси за подвиги благочестія и беззавѣтной любви къ ближнимъ. Житіе Ульяніи, какъ извѣстно, подробно изложено въ книжной *Повѣсти* о ней, нерѣдко встрѣчающейся въ рукописяхъ. Ходила молва о чудесныхъ исцѣленіяхъ отъ ея гроба. Если мы вспомнимъ, что Ульяніи скончалась въ 1604 году, то получаемъ приблизительную хронологическую дату для внесенія ея имени въ текстъ нѣкоторыхъ пересказовъ: вѣроятно популярность Ульяніи, возросшая особенно послѣ ея смерти подсказала сказителямъ имя для благочестивой и любящей матери Соловья Будимировича. Волѣо раннимъ ея именемъ, быть можетъ, было общее этическое имя Амелфы Тимофеевны, ушедшее въ Сибирь въ былинѣ, появившей въ XVIII вѣкѣ въ сборникъ Кирши Данилова.

Введя въ былину эпическую мать-вдову, слагатель по крайней мѣрѣ дошедшей до насъ редакціи былины не сумѣлъ дать ей какую-нибудь роль въ разсказываемомъ событіи.

Во всѣхъ олонецкихъ былинахъ мать Соловья только молится въ

¹⁾ *Гильбердингъ*. Столбецъ 370; ср. столбцы 287, 954, 978. *Рыбникова*. II, стр. 191, III, стр. 192.

²⁾ *Рыбникова*. I, 53; II, 31. *Гильбердингъ*, № 36.

своемъ теремѣ и не принимаетъ никакого участія въ сватовствѣ сына. Только въ одномъ пересказѣ ¹⁾ упоминается, что

„Матушка его поклонъ ведеть
Къ молодой книгитѣ ко Опраксины,
Подаеть тую камочку узорчатую“.

Другіе пересказы не придають матери никакой активной роли, такъ что является вопросъ, для чего вообще она была введена. На этотъ вопросъ, какъ на многіе другіе, дошедшія до насъ былины не даютъ возможность отвѣтить положительно. Имѣемъ ли мы здѣсь примѣръ утраты части содержанія или примѣръ непродуманности плана? Сибирская былина (Кирши Данилова) одна умѣетъ мотивировать присутствие матери: она взята, очевидно, чтобы дать сыну совѣтъ относительно невѣсты, и когда она провѣдала о слишкомъ поспѣшномъ обиднѣ перстнями Соловья съ Запавой, то властно вступилась и свадьбу *посрочила*:

„Съѣзди-де за моря синія,
И когда-де тамъ расторгнешься,
Тогда и на Запавѣ женишься“.

Однако, мы не можемъ быть увѣрены, что сибирская запись прошлого вѣка сохранила намъ былинѣ именно въ ея древнѣйшемъ и полнѣйшемъ видѣ. Отъѣздъ Соловья за море по желанію матери, увѣреніе князя Владимира коварнымъ Давидомъ *Поповымъ* въ несчастіи, постигшемъ жениха его племянницы, готовящаяся свадьба Запавы съ Давидомъ Поповымъ, возвращеніе Соловья, его переодѣванье и узнаванье невѣстой, насмѣшка надъ неудачей Попова („Здравствуй! женимши, да не съ кѣмъ спать!“)—все это такъ близко совпадаетъ съ разказомъ о предупрежденномъ выходѣ замужъ жены отсутствующаго Добрыни за Алешу Поповича, что естественно является предположеніе, не прикрѣпилъ ли сибирскій сказитель это окончаніе, пользуясь готовымъ образцомъ, просто изъ желанія распространить былинѣ, которая справедливо представлялась ему слишкомъ бѣдной дѣйствіемъ.

Резюмируя предложенныя выше замѣчанія, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Былина о Соловьѣ Будимировичѣ—одна изъ новеллъ новгородской эпикі, представляетъ переработку какого-то сказочнаго сюжета

¹⁾ *Рибниковъ*. III, стр. 169.

о свадебной поѣздкѣ въ былинѣ кievскаго цикла. На личностяхъ героя и его матери отразились черты новгородскихъ эпическихъ типовъ (Садка, Амелфы), планъ былины особенно близокъ къ былинѣ о Садкѣ, описаніе корабля взято изъ пѣсеннаго запаса, какъ передвижная эпическая картинка. Время созданія приблизительно XV и XVI вѣка, хотя имя Соловья Будимировича, быть можетъ, старинное эпическое. Наконецъ присутствіе прелюдiи (прибаутки) указываетъ на „веселыхъ людей“, старинныхъ скомороховъ, какъ на ея исполнителей и, быть можетъ, слагателей, отъ которыхъ, съ паденіемъ скоморошества былина перешла къ олонцкимъ сказителямъ.

Всев. Миллеръ.